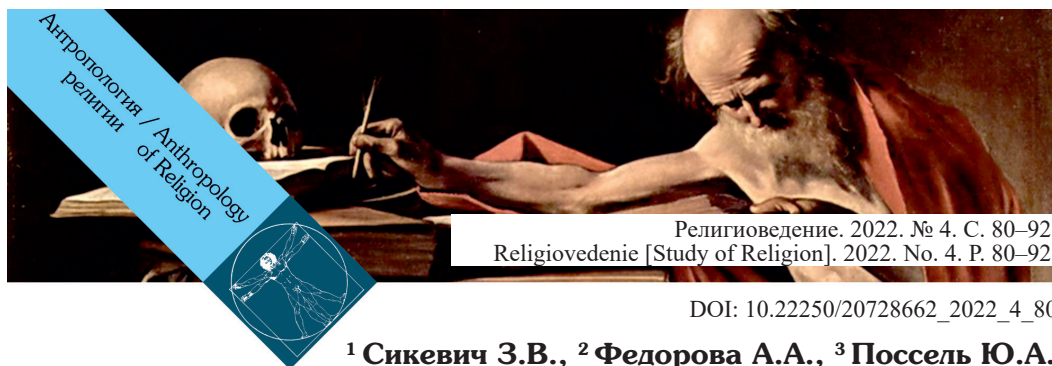

¹ Сикевич З.В., ² Федорова А.А., ³ Поссель Ю.А.

З.В. Сикевич

А.А. Федорова

Ю.А. Поссель

¹ Санкт-Петербургский государственный университет;

² Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

³ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

¹ 191060, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3

² 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5, лит. Б

³ 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48

¹ sikevich@mail.ru; ² An-f@list.ru; ³ alfred1964@mail.ru

К проблеме религиозной идентичности русских

Аннотация. Статья посвящена изучению современной православной идентичности на уровне эмпирического исследования, которое проводилось посредством классического количественного и нереактивного метода. В начале статьи рассматриваются основные социологические и психологические подходы к проблеме религиозности и религиозной идентичности. Описывается выборка исследования, которая в совокупности составила 1080 чел. (интернет-опрос, тип выборки – квотная). Эмпирические данные опроса соотносятся с содержанием коммуникации 2 крупнейших интернет-сообществ Вконтакте, выступающих площадкой для взаимодействия по проблемам русского православия (Святая Русь и Православная Русь). Особое внимание уделяется: 1) выявлению места православия в ряду признаков этнической консолидации русских и типичных качеств русского человека; 2) факторной обусловленности (на уровне субъектных характеристик) уровня религиозности; 3) отношению современного человека к основным религиозным (православным) практикам с учётом пола, возраста, уровня образования. Выявлен относительно низкий уровень значимости религиозного сообщества в ряду признаков этнической консолидации русских. На эмпирическом уровне обнаружена внутренняя противоречивость современного православного самоопределения. Выявлено несоответствие между декларацией религиозности и соблюдением основных религиозных практик.

Ключевые слова: религиозная идентичность, русские, православие, уровень религиозности, виртуальные сообщества, религиозные практики

¹ Zinaida F. Sikevich, ² Anna A. Fedorova, ³ Julia A. Possel

¹ St. Petersburg State University

² S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS

³ A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

¹ 1/3 Smolny str., St. Petersburg, 191060, Russia

² Litera B, 5 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia

³ 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

¹ sikevich@mail.ru; ² An-f@list.ru; ³ alfred1964@mail.ru

On the Problem of Religious Identity among Russians

Abstract. The article covers the study of modern Orthodox identity in empirical research, conducted through the classical quantitative and non-reactive method. At the beginning of the article, the main sociological and psychological approaches to the problem of religiosity and religious identity are described. The study sample includes 1080 people (Internet survey, sample type – quota). The empirical data of the survey correlate with the research on the 2 largest Internet communities in Vkontakte network. These communities act as a platform for interaction on the problems of Russian Orthodoxy. Special attention is paid to: place of Orthodox religion in ethnic consolidation of Russians and typical qualities of a Russian people; factor conditionality (on subjective characteristics) of the religiosity level; the attitude of modern Russians to the main religious (Orthodox) practices by gender, age, level of education. The relatively low level of significance of the religious community in a number of signs of ethnic consolidation of Russians is revealed. At the empirical

level, the internal inconsistency of modern Orthodox self-determination is revealed. The discrepancy between the declaration of religiosity and the observance of basic religious practices has been revealed.

Key words: religious identity, Russians, Orthodoxy, levels of religiosity, virtual communities, religious practices

Постановка проблемы

В отечественной и зарубежной литературе немало работ, которые исследуют содержание, формы, структуру и динамику функционирования религиозной идентичности. Очевидно, что многомерность феномена и размытость его границ не позволяет учёным прийти к однозначной его трактовке. Добавляет сложности и проблема соотношения понятий «религиозность» и «религиозная идентичность». Религиозная идентичность базируется на религиозности и представляет собой результат процесса вхождения личности в религиозное пространство и присвоения себе в нём определённого места. Можно сказать, что религиозная идентичность – это рефлексия собственной религиозности, хотя не все в идентичности лежит в плоскости осознаваемого.

Изучение идентичности за рубежом ведёт своё начало от работ психологического направления З. Фрейда и Э. Эриксона, где большое внимание уделялось исследованию идентичности в контексте социализации, её адаптивной роли. Г. Оллпорт [Allport, Ross, 1967] создаёт концепцию религиозных ориентаций, где религия выступает либо как средство – либо как цель. Предложенная им дихотомия, выделяющая внешнюю и внутреннюю религиозность, лежит вне связи с самим содержанием веры. Такой подход становится основным трендом в психологии религии с конца XX века. Взгляд на религию как психологический феномен рассматривает её место в структуре мотивов личности.

В связи с многомерностью феномена социологи анализируют «религиозность» как явление, одновременно находящееся на индивидуальном, групповом и социальном уровнях. Э. Дюркгейм писал о коллективном измерении религиозности, а с точки зрения П. Бергера [Berger, 1967], религия выступает как система обоснований, которые добровольно признаются свободно выбирающими их пользователями и, таким образом, она проникает в сферу частной жизни. Зиммель считал религиозность двойственным феноменом по своей природе и по способу выражения (индивидуальным и социальным).

В научной литературе дискутируются индикаторы и критерии религиозности, от религиозной веры как ценности и уровня религиозного самосознания до членства в церкви и религиозных практик. В зависимости от избранных параметров социологи приходят к разным типологиям религиозности личности (группы) и к акцентированию внимания на различных аспектах явления. (Ч. Глок, В. Пивоварски, И. Ламберт, В. Чеснокова и др.) В подходе А.Н. Крылова [Крылов, 2012] религиозная идентичность рассматривается как структура из семи уровней, которая является сквозным феноменом, пронизывающим любые культуры и исторические эпохи.

За рубежом довольно популярен экономический подход, в рамках которого на первый план выступает теория рационального выбора религии (Л. Яннаконе, М. Чавес и Ф. Горски), а экономические понятия интерпретируются в контексте изучения религиозности (религиозные услуги, спрос, религиозная конкуренция).

Тем не менее, по мнению Р. Белла [Белл, 1972], в современных обществах люди включаются в религиозные структуры добровольно, поэтому носителем веры и её трактовки становится не религиозная организация, а личность.

В ряде работ речь идёт о взаимосвязях этнической и религиозной идентичности, в частности, С. Хантингтон [Хантингтон, 1997], ставит религиозную принадлежность в приоритетное положение, поскольку различия в ней могут привести к конфликтам групп, принадлежащим к одному народу и говорящим на одном языке.

Религиозная идентичность наряду с этнической, общенациональной идентичностью, являясь частной формой социальной идентичности, по мнению Э. Фромма [Фромм, 2010], состоит не только в вере и символических практиках, но и в принятии определённых идеологических убеждений, кодируемых в традициях, мифах и

общеразделяемых образах, которые передаются из поколения в поколение. По мнению Э. Фромма, религия – это символическая система, которую можно наполнить совершенно разным содержанием.

В дореволюционной России не только быть русским значило быть православным, но и принадлежность к православному вероисповеданию «автоматически» делала человека русским, независимо от его этнического происхождения (это относится, в частности, к так называемым выкрестам – крестившимся евреям, которые по документам становились русскими). Таким образом, очевидно, что в Российской империи религиозная идентичность по значимости превышала даже идентичность этническую и по своему «весу» была сопоставима с сословной принадлежностью.

Значимость религиозной идентичности кардинальным образом изменилась после Октября. В период правления советской власти агрессивное богоборчество 20-х гг. постепенно сменилось более мягкой формой атеизма, тем не менее, религиозная идентичность воспринималась и маркировалась как маргинальная, неодобряемая форма личностной самоидентификации. В мусульманских республиках СССР религиозная идентичность становится латентной формой противодействия советской унификации, в православных регионах эта тенденция прослеживалась слабее, о чём, в частности, свидетельствуют наши данные тестирования по методике Куна-Маркпартленда [Сикевич, 2012].

Насколько постсоветский религиозный (в частности, православный) «ренесанс» означает своего рода реставрацию дореволюционной религиозности, которая на протяжении веков буквально пронизывала жизнь каждого русского человека? Или это иной этнокультурный феномен, ставший заменой системе советских ценностей, включавшей веру в торжество коммунизма? Иными словами, феномен замещения советской «веры» верой традиционной, с тысячелетней историей?

Не секрет, что современная религиозная идентичность, во всяком случае, христианская (не только православная) выражается не столько в принадлежности к той или иной религии, не столько в вере, сколько в соотношении себя с определённой культурной традицией, образом жизни. Православная идентичность в современной России в известной мере отражает эту общую тенденцию, но в то же время имеет свою специфику, обусловленную семидесятилетием нормативного атеизма.

Об этом свидетельствуют выводы ряда отечественных исследователей. Так, С.В. Рыжова [Рыжова, 2016] выделяет два подхода к пониманию религиозной идентичности: 1) православная религиозность как культурная идентичность (или «культурная религиозность») означает «встроенность» последней в контекст российской культуры, объединяющей все народы России, независимо от их деления на этнические и этноконфессиональные группы и 2) религиозность рассматривается сквозь призму понятия этноконфессиональной идентичности (или этнорелигиозного самосознания).

Т.С. Пронина [Пронина, 2016] делает предположение, что массовая российская религиозность представляет собой скорее культурную традицию. С точки зрения автора, такой тип религиозной идентичности существенно не затрагивает уровень убеждений и не предполагает обязательного исполнения норм и установлений конфессии. В этом случае, декларирование собственной принадлежности к религиозному сообществу, религиозной традиции выступает не самопрезентацией религиозной идентичности, а способом этнокультурной и гражданской идентификации.

Какова же специфика современной религиозности в России? Насколько она обусловлена половозрастными характеристиками человека, его личностным самоопределением и статусно-ролевыми предпочтениями? Ответ на эти вопросы стал одной из задач двух интернет – исследований, реализованных в январе и июле 2021 года лабораторией этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ.

Методология исследования

В ходе первого по времени опроса (январь 2021 г.) общее число опрошенных составило 600 человек. В связи с целью исследования, направленной на изучение установок именно русских пользователей Сети, производился ремонт выборки, из которой были исключены респонденты либо не указавшие свою национальную при-

надлежность, либо указавшие иную, не русскую, национальность. Дальнейшему анализу подлежали ответы 547 человек, в том числе *по половой принадлежности*: 50,7% мужчин и 49,3% женщин; *по возрастным группам*: 16–30 лет – 25,0%; 31–45 лет – 25,0%; 46–60 лет – 25,0%; старше 60 лет – 25,0%; *по уровню образования*: имеющих среднее образование – 9,2%, среднее специальное образование – 20,7%, незаконченное высшее – 8,7%; высшее – 61,5%.

В ходе второго по времени опроса (июнь – июль 2021 г.) общее число опрошенных составило 480 человек, в том числе русских – 80,8%; принадлежащих к нескольким народам, включая русских – 19,2%; *по половой принадлежности*: мужчин – 50,0% женщин – 50,0%; *по возрастным группам*: 16–30 лет – 25,0%; 31–45 лет – 25,0%; 46–60 лет – 25,0%; старше 60 лет – 25,0%; *по уровню образования*: среднее – 25,0%; среднее специальное – 25,0%; незаконченное высшее – 25,0%; высшее – 25,0%. В летнее исследование был дополнительно введён ещё один параметр выборки – *местожительство*: Москва и СПб – 33,3%; населённые пункты от 500 тыс. до 1 млн. жителей – 33,3%; менее 250 тыс. – 33,3%. Однако, как выяснилось в ходе анализа, последний критерий (в отличие от пола, возраста и уровня образования) существенно не влияет на религиозные установки.

В ходе пилотажа (50 чел.) была проведена коррекция основных референтов исследования и, в частности, сформулирован в закрытой форме ряд вопросов о религиозности, предложенных в открытом варианте.

В рамках нереактивного исследования ключевых аспектов демонстрируемой религиозной идентичности пользователей русскоязычных социальных сетей были детально рассмотрены 2 крупнейших сообщества сети Вконтакте, выступающих площадкой для взаимодействия по проблемам русского православия:

- Святая Русь (СР) – открытая группа, объединяющая более 240 тысяч пользователей сети Вконтакте;
- Православная Русь (ПР) – открытая группа, среднее число участников которой составляет 125 тысяч человек.

В качестве контрольных групп национал-патриотического толка в нереактивном исследовании были также рассмотрены секулярные сообщества «Я РУССКИЙ» (280 тысяч участников) и «Русские Патриоты || Союз Славян» (90 тысяч участников), объединяющие пользователей сети Вконтакте на основании их самопричисления к русскому этносу.

Отбор указанных сообществ осуществлялся исходя из высокого уровня активности аудитории данных групп в сравнении со сходными по масштабу и тематике сообществами.

Основной методикой сбора массива цифровых следов участников сообществ выступил метод автоматизированного парсинга цифрового контента за пятилетний период с 2015 года по 2020 год. Дальнейшая работа с полученным массивом цифровых следов проводилась по методу контент-анализа, учитывающего автора сообщения, виртуальную «локацию» его расположения, время написания и широту распространения по каналам социальной сети Вконтакте.

Религиозная идентичность как аспект этнического самосознания

В первом по времени из обсуждаемых исследований (январь 2021 года) выявлялось чувство принадлежности респондента к различным социальным группам, которым предлагалось присвоить ранг по предпочтительности для респондента (1–6). Православная идентичность заняла третье место после гражданской (2,4) и этнической идентичности (2,6), лишь незначительно опередив принадлежность к славянам (ср. «православные» – 3,4; «славяне» – 3,6).

Примечательны данные по признакам этнической консолидации (5-балльная шкала, где 5 – объединяет сильнее всего, 1 – объединяет слабее всего (таблица 1).

Таблица 1 (средний балл). Православие в ряду признаков консолидации

Характеристики	Место	Средний балл
Русский язык	1	4,4
Русские просторы, природа	2–3	4,0

Характеристики	Место	Средний балл
Историческая память	2–3	4,0
Традиции и обычаи	4	3,8
Особенности поведения, психология	5	3,7
Государство, в котором мы живём	6	3,4
Образ жизни	7	3,3
Православие	8	3,1
Внешний облик	9	2,9

Воздержимся от интерпретации относительно низкого места государства как признака консолидации русских, что явно противоречит приоритету гражданской идентичности, и обратим внимание на крайне низкую оценку значимости религиозного сообщества.

Сходную оценку роли религиозности мы обнаруживаем в ответах на вопрос о типичных чертах русского «национального характера», где предлагалось выбрать по 5 качеств типичных для усреднённого русского человека и лично для каждого участника опроса (таблица 2).

Таблица 2 (в %). Религиозность в ряду типичных качеств русского человека¹

Характеристики	Характерно для русских (%)	Место	Характерно лично для Вас (%)	Место
Доброта	77,2	1	52,7	4
Милосердие	76,5	2	43,2	7
Терпение	74,0	3	44,5	6
Патриотизм	71,8	4	37,8	10
Открытость	71,7	5	40,5	8
Терпимость к другим народам	68,5	6	60,5	1
Доверчивость, простодушие	68,3	7	38,8	9
Свободолюбие	61,7	8	48,3	5
Чувство собственного достоинства	58,0	9	54,0	3
Религиозность	57,2	10	19,8	12
Пассивность	52,7	11	11,8	13
Сплоченность	51,8	12	25,0	11
Чинопочитание	41,7	13	7,7	14
Законопослушание	23,8	14	57,5	2

Пожалуй, главное, что обращает на себя внимание, – это заметное отличие распространённости качеств, приписываемых «абстрактному» русскому человеку, с одной стороны, и наличия этих качеств у самих себя – с другой стороны.

Но именно религиозность относится к числу тех качеств (см. таблицу), которые отличает одинаково низкий ранг как применительно к русским вообще, так и конкретному русскому человеку – участнику опроса.

Примечательно, что подобные тенденции были отмечены нами в рамках первичного анализа системы русских национальных и националистических сообществ сети Вконтакте.

Согласно данным, полученным в ходе автоматизированного полиитерационного поиска сообществ, имеющих в названии и описании указание на кооперацию пользователей по признаку принадлежности к русскому этносу, суммарное число таких сообществ в последние 5 лет колеблется в среднем от 170 до 210 единиц.

При этом более 75% из них относятся к закрытым, дублирующим или малочисленным группам (не более 300 человек). Из всего первично-описанного массива русских групп в социальной сети Вконтакте только 13-17% объединяют русских пользователей по признаку православной идентичности, в то время как для остальных сообществ критерий религиозности участников является малозначимым (59–62% сообществ), или, напротив – нежелательным признаком (до 23% сообществ). Последнее было отмечено нами в связи с высоким уровнем радикализации части националистических русских сообществ, где акцентировалось внимание на деструктивности коллективных религиозных практик, выражающейся в противопоставлении веры и критического мышления. Дополнительным фактором неприятия русского православия участниками радикальных сообществ стало активное «насаждение» православия представителями российских властных структур для создания (как полагают участники радикальных нерелигиозных сообществ) максимально послушного электората.

Всмотримся более детально в содержание религиозной идентичности русских людей, выявленной в ходе летнего опроса 2021 года.

Структура и содержание современной религиозной идентичности

Насколько распространена православная религиозность среди опрошенных нами русских в целом и по отдельным критериям выборки? Как выяснилось в ходе пилотажа, подавляющее большинство респондентов (73,9%) не различают «веру» и «религиозность», поэтому вопрос о религиозной идентичности был сформулирован с использованием категории «вера» (таблица 3).

Таблица 3 (в %). Уровень религиозности и половозрастные характеристики

Считаете ли Вы себя верующим человеком?	Муж.	Жен.	16–30	31–45	46–60	Ст. 60	В целом
Да	45,4	62,5	45,8	64,2	52,5	53,3	54,0
Нет	25,0	12,5	25,8	11,7	18,3	19,2	18,8
Трудно сказать	29,6	25,0	28,3	24,2	29,2	27,5	27,2

Как видно из данных таблицы, к верующим себя относят немногим более половины респондентов. Неверующих относительно мало, но каждый четвёртый затруднился в ответе, иными словами, не уверен в наличии или отсутствии религиозной идентичности.

Сходная неуверенность и невнимание к религиозной идентичности в социальной сети Вконтакте была выявлена нами на основании автоматического анализа данных с личных страниц пользователей русских сообществ. В то время как в православных русских сообществах 72,6% участников отмечали свою религиозную идентичность в собственных профилях, для общерусских национальных сообществ этот показатель составил только 33,8%. Принимая во внимание тот факт, что возможность указать свою религиозную идентичность инкорпорирована в шаблон профиля Вконтакте (графа «Мировоззрение»), можно предположить, что для большинства русских пользователей её заполнение не является неотъемлемой частью собственной репрезентации.

На наш взгляд, эта неуверенность и противоречивость, которая проявляется как в общей установке, так и в соблюдении основных православных практик (об этом ниже), является существенной чертой религиозного самоопределения в современной России, во всяком случае, у православных. Это соотносится с результатами, полученными в последнее время другими исследователями [Родионова, 2018].

Как выяснилось, женщины более религиозны, чем мужчины (почти две трети, ср. мужчины – менее половины), но и в их числе каждая четвёртая предпочла

уклониться от однозначного ответа. При этом среди женщин и мужчин число верующих, согласно выборке, значимо разнится – не относит себя к верующим каждый четвёртый мужчина и каждая восьмая женщина.

Сравнение виртуальных религиозных и секулярных сообществ также подкрепляет данную тенденцию. Несмотря на то, что в среднем женщины чаще пользуются русскоязычными социальными сетями², они реже становятся участниками национальных и националистических русских сообществ секулярной направленности (68,06% мужчин против 31,97% женщин), и чаще – участниками религиозных русских групп. Так, в изученных нами сообществах суммарный процент пользователей-женщин составил 68% для сообщества Православная Русь и 54% для сообщества Святая Русь, что может свидетельствовать о высоком уровне конформности женщин в социальных сетях, не позволяющей им вступать в радикальные национальные сообщества секулярной направленности.

Наибольшее число верующих наблюдается в возрастной группе 31–45 лет: по всей вероятности, это можно объяснить тем, что на годы их детства и юности приходится пора своего рода религиозного «ренессанса», особенно заметная после десятилетий государственной идеологии «научного атеизма». В 90-е гг. происходит «смена вех» новейшей российской истории, когда религиозность становится нормативной, а, напротив, неверие в Бога превращает человека чуть ли не в маргинала. Немалое влияние на умы оказывает и религиозное обращение российской элиты, многочисленные телепередачи, посвящённые религии, и, главное, внедрение в «умы» идеи о православной идентичности как непереносимом атрибуте русского самосознания. Примечательно, что в неректированном исследовании русских групп большинство участников религиозных сообществ было представлено пользователями от 35 до 50 лет.

Относительно низкий уровень религиозности старших возрастных групп, скорее всего, обусловлен их не до конца осознаваемой верностью идеям советского воспитания, в рамках которого религия в 70е – 80е гг., может, уже и не преподносилась как «опиум для народа», но, тем не менее, воспринималась как нечто замшелое, консервативное, канувшее в Лету (таблица 4).

Таблица 4 (в %). Уровень религиозности и образования

Считаете ли Вы себя верующим человеком?	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Среднее специальное
Да	52,1	55,6	42,9	58,2
Нет	20,8	33,3	17,1	15,8
Трудно сказать	27,1	11,1	40,0	26,0

На первый взгляд, корреляция между уровнем образования и религиозности выглядит странно: следовало бы ожидать, что с ростом образованности религиозная идентичность снижается. Однако меньше всего верующих обнаружилось среди респондентов с наиболее низким уровнем образования. На наш взгляд, это объясняется тем, что среди них есть много людей, которые не определились с выбором и толком не знают – то ли они верующие, то ли нет. Представляется, что этот факт косвенно указывает на зыбкость границы между верой и неверием, которая возникла в результате почти молниеносной смены нормативной установки относительно традиционной религии и привела к затруднениям в самоопределении, прежде всего, людей с невысоким уровнем образования.

В научной литературе высказывается довольно много мнений относительно структуры религиозной идентичности, но действия и поступки как результат осмысления религиозных постулатов и отношения к ним, на наш взгляд, являются важнейшими её маркерами. Представления респондентов о том, как должен или не должен вести себя православный человек, позволяют сделать выводы о более или менее важных атрибутах проявления православной идентичности на поведенческом уровне.

Многие отечественные социологи уже довольно давно обращают внимание на некий парадокс, состоящий в несоответствии религиозной самокатегоризации и соблюдения религиозных практик. По мнению Ю.Ю. Синелиной [Синелина, 2006], которое основывается на результатах опросов, проведённых ещё в 2004 г. Институтом социально-политических исследований РАН, и анализе аналогичных данных за 13 лет, прослеживается довольно отчётливая тенденция, согласно которой лишь у 30–40% людей, называющих себя православными, можно обнаружить реальную связь с религией через соответствующее поведение.

Насколько это тенденция подтвердилась данными из нашего исследования? Какие именно православные практики сегодня воспринимаются обязательными для верующего православного человека?

Для оценки участникам опроса был предложен список такого рода практик, составленный по результатам ответов на открытый вопрос в ходе пилотажа (таблица 5).

Таблица 5 (в %). Отношение к религиозным практикам

Может ли человек, который считает себя православным...	Может	Не может	Трудно сказать
Не ходить в церковь вообще	54,2	26,0	19,8
Ходить в церковь только по большим праздникам (пасха, рождество)	80,8	9,2	10,0
Не соблюдать пост	72,1	12,3	15,6
Не крестить своих детей	30,2	49,0	20,8
Вступить в брак с неверующим человеком	77,1	7,5	15,4
Вступить в брак с мусульманином или иудеем	47,9	22,1	30,0
Поменять веру	35,4	39,8	24,8
Верить в приметы и гороскопы	53,3	23,1	23,5

Очевидно, что для оценки участникам опроса были предложены те православные практики, которые считаются церковью обязательными для соблюдения православным христианином, и следование традиции во всех случаях предполагает отрицательный ответ.

Однако по данным таблицы видно, что современный человек далеко не во всём следует утвердившейся в православии традиции.

По мнению большинства участников опроса, чтобы считать себя верующим, достаточно ограничиться посещением церкви по большим праздникам (80,8%) и крещением своих детей (почти половина респондентов). Эти две православных традиции можно счесть полноценно сохранившимися в современной религиозной идентичности.

Совершенно иная картина наблюдается в пунктах «соблюдение поста» и «вступление в брак с неверующим человеком» (соответственно 72,1% и 77,1% считают, что следовать этому правилу для верующего необязательно).

Стоит обратить внимание на то, что отношение к браку с иноверцем уже не столь однозначно: считают его допустимым менее половины респондентов (47,9%), примерно каждый 4–5 респондент не рассматривает возможность такого брачного выбора, а почти треть уклонилась от однозначного ответа.

Эти данные подтверждаются ещё более однозначными установками, обнаруженными нами в ходе изучения межэтнических и моноэтнических семей в 2018 г. Так, выходцы не только из моноэтнических русских семей, но и межэтнических, где один из родителей – русский, а другой принадлежит к другой национальности, не допускают вступления в брак с мусульманином (соответственно 77,8% и 67,4%). Причём относительно распространённым был ответ «только православные» или «только христиане» (вопрос открытого типа).

Таким образом, можно предположить, что в восприятии участников опроса символическая граница между «верой» и «неверием» более прозрачна, чем между «моей» и «чужой» верой.

Отдельно стоит остановиться на отношении к приметам и гороскопам, т.е. всякого рода суевериям, не соответствующем нормативной православной идентичности. Около половины участников опроса не видят особого противоречия между верой и суеверием, сочетая их в своём самосознании.

В среднем каждый 4–5 респондент по всем религиозным практикам, колеблясь между положительным и отрицательным ответом, предпочёл уклониться от него, что лишний раз убеждает в некоторой аморфности, нечёткости религиозной идентичности у наших современников, исповедующих православие.

Субъектные характеристики влияют на отношение к религиозной традиции незначительно. Женщины реже мужчин склонны увязывать веру с институциональным поведением. Так, больше половины женщин полагает, что можно не ходить в церковь вообще (58,8%, ср. мужчины – 49,6%) или только по большим праздникам (соответственно 86,3% и 75,4%); не соблюдать пост (соответственно 76,3% и 67,9%). По другим практикам расхождение по этому фактору отсутствует.

С возрастом снижается число респондентов, индифферентных к обряду крещения (почти половина молодых людей (46,7%) считает это необязательным, в то время как в возрастной группе старше 60 лет этого мнения придерживается только каждый пятый (20,0%). Половина молодых людей не видит ничего зазорного в том, чтобы поменять веру (53,3%), и подавляющее большинство из состава этой возрастной группы (70%) не находят противоречия между верой и суеверием (ср. люди старше 60 лет по этим установкам соответственно 28,3% и 40,1%).

Сходные результаты были получены при анализе религиозных русских сообществ сети Вконтакте. При первичном обзоре сообществ была выявлена тенденция на укрепление радикальной неприязни к отходу от институционального поведения и церковных канонов через посты, где граница между «своими» и «чужими» проводится по признаку соблюдения/несоблюдения православных норм. Примером тому может послужить постулируемое разделение православных на «просто крещёных» и «истинно верующих»:

«Просто крещёный – это когда ты посещаешь Храм Божий только на Пасху и Рождество. Просто крещёный – это когда ты называешь фанатиками тех, кто ходит по Воскресениям в Храм Божий и приступает к таинству Причастия. Просто крещёный – это когда ты считаешь Троидного Бога – Своим Господом! И в тоже время веришь в гороскопы».

При этом поведение «просто крещёных» описывается руководителями сообществ (вслед за цитируемыми ими святыми отцами) как неугодное Богу, а значит заслуживающее наказания.

Примечательно, что в данных условиях часть женщин – участниц сообществ выразили в комментариях несогласие с предложенными утверждениями, указывая на невозможность определения Веры по формальным признакам, например «Мы не можем знать о “просто крещёных” ничего, о всех всё знает только Господь».

Парадоксально, но контрольные «секулярные» сообщества, рассмотренные нами в сравнении с религиозными группами, выступили очевидным примером кооперации «просто крещёных» русских пользователей. В отличие от резко-радикальных националистических сообществ, упомянутых нами ранее в связи с темой виртуального порицания религии, группы «Я РУССКИЙ» и «Русские Патриоты» нередко обращались к отдельным аспектам православия в рамках внутригруппового взаимодействия. По результатам контент-анализа все случаи группового обсуждения «русской религиозности» были сведены нами в несколько ключевых смысловых категорий, отвечающих цели объединения умеренно-религиозных пользователей сообществ:

Использование православия как аргумента в пользу превосходства русских над другими этническими группами, выраженное в высказываниях о богоизбранности русского народа, его «правильности» и благочестии;

Использование православных праздников как элемента общей исторической идентичности русских пользователей, а также для подчёркивания единообразия поведенческих практик общерусского празднования;

Использование религиозной символики для повышения «узнаваемости» визуальных изображений представителей русского народа;

Использование религиозных предписаний и канонов православной нравственности для создания собирательного образа «русского человека», «русской женщины», «русской семьи».

Таким образом, можно заключить, что отношение к традиционным ритуалам за последние годы православного «возрождения» претерпело существенные изменения в направлении размывания границ нормативной религиозности.

Насколько на установки участников опроса влияют их отношение к вере (верующие/неверующие) и этническое самоопределение (русские и респонденты смешанного происхождения)? Обратимся к таблице 6.

Таблица 6. Различия между группами респондентов, выделенных по факторам этнического и религиозного самоопределения

Может ли человек, который считает себя православным...	Может				Не может			
	Этническая идентичность				Этническая идентичность			
	Моно		Смешанная		Моно		Смешанная	
	Отношение к вере		Отношение к вере		Отношение к вере		Отношение к вере	
	в	н\в	в	н\в	в	н\в	в	н\в
Не ходить в церковь вообще	51,0	62,7	57,0	46,7	29,3	24,0	27,5	26,7
Ходить в церковь только по большим праздникам (пасха, рождество)	82,2	77,3	78,4	60,0	9,1	10,7	15,7	0,0
Не соблюдать пост	78,0	66,7	66,7	53,0	9,1	17,3	17,6	26,7
Не крестить своих детей	21,6	53,3	25,5	40,0	60,6	30,7	56,9	20,0
Вступить в брак с неверующим человеком	76,0	80,0	72,5	53,5	9,1	5,3	7,8	20,0
Вступить в брак с мусульманином или иудеем	46,2	50,7	56,9	53,3	19,6	13,3	26,0	20,0
Поменять веру	28,4	39,3	39,2	33,3	48,6	24,0	41,2	46,7
Верить в приметы и гороскопы	52,9	53,3	68,6	46,7	26,4	21,3	21,6	20,0

«Может ли православный не посещать церковь вообще»

При сравнении выборок верующих и неверующих различия отсутствуют, при этом явные расхождения наблюдаются между неверующими в группах с разным этническим самоопределением, где неверующие, приписывающие себя к нескольким народам, обладают более жёсткими установками относительно соблюдения тех или иных религиозных норм православными.

«Может ли православный ходить в церковь только по большим праздникам?»

В данном случае результаты довольно парадоксальны, поскольку наиболее лояльно в этом отношении настроены верующие русские, в то время как число неверующих респондентов со смешанной идентичностью с таким же мнением на четверть меньше. Однако это больше говорит о недостаточной компетентности последних в подобных нюансах, поскольку 40% из них попросту не смогли определиться с ответом.

«Может ли православный не соблюдать пост?»

Мнения опрошенных с разным типом этнической идентичности расходятся незначительно, также, как и верующих и неверующих, различия в каждом случае не превышают 10%.

«Может ли православный не крестить своих детей?»

Тип этнической идентичности (моно- или смешанный) респондентов не оказал существенного влияния на результаты. Основные различия обусловлены религиозным самоопределением – так, верующие люди по сравнению с неверующими высказываются гораздо более жёстко (22,4% и 51,1% соответственно), что указывает на высокий ингрупповой рейтинг этого ритуала.

«Может ли православный вступить в брак с неверующим человеком?»

Фактор как этнического, так и религиозного самоопределения практически не сказался на результатах, различия между группами минимальны.

«Может ли православный вступить в брак с мусульманином или иудеем?»

Практически идентичные распределения мнений продемонстрировали группы верующих и неверующих, примерно половина опрошенных в каждой из них (48,3% и 51,1% соответственно) считает это возможным для православных. Респонденты, относящие себя к нескольким народам, чаще дают утвердительный ответ по сравнению с моноэтническими русскими (55,4% против 46,1%), что понятно, ведь некоторые из них сами могли оказаться выходцами из такого рода семей.

«Может ли православный поменять веру?»

Тип этнического самоопределения не явился значимым фактором при оценке возможности такого поступка для православного человека, между группами верующих и неверующих респондентов различия гораздо заметнее. Так, верующие в целом, как и следовало ожидать, более категоричны: не допускают возможности изменения веры около половины таких респондентов (47,1%), в то время как среди неверующих таковых всего 27,8%.

Среди участников русских православных сообществ сети Вконтакте также наблюдалось в основном негативное отношение к проблеме смены веры. Принимая во внимание тот факт, что для пользователей данных групп религиозная принадлежность выступает основанием групповой идентичности, неудивительным становится тот факт, что смена веры ассоциируется у участников с *«невозможным предательством»*. Согласно данным анализа, для активизации негативных эмоций участников по проблеме смены веры, руководителями сообществ и активистами чаще всего используются обращения к историям православных мучеников за веру – как исторических фигур, так и наших современников (например – цитата из опубликованного в обеих группах рассказа о участнике чеченской войны Евгении Родионове, канонизированном русской православной церковью: «Он мог бы веру сменить, но он не захотел с себя креста снимать»).

«Может ли православный верить в приметы и гороскопы?»

В среднем около половины во всех группах опрошенных считают это суеверие вполне приемлемым, за исключением верующих со смешанным этническим самоопределением, где число одобряющих этот выбор приближается к двум третям (68,6%). Очевидно, что подобная практика не является для респондентов принципиальным противоречием и не наносит ущерб сформированной в массовом сознании «модели православного человека».

Таким образом, фактор религиозного самоопределения респондентов при оценке допустимости нарушения тех или иных православных религиозных практик по сравнению с этническим оказался более значимым. При этом, факторы этнической и религиозной идентичности могут действовать, аддитивно усиливая друг друга, иногда парадоксальным образом. Можно констатировать, что мнение аутгруппы и ингруппы относительно важности поведенческих практик православной идентичности не всегда совпадают.

Очевидно, здесь могут действовать искажения, обусловленные специфическими механизмами социального восприятия, например, законами стереотипизации и социальной каузальной атрибуции, связанными с положением внутри или вне группы. В конечном итоге, всё это работает на подтверждение собственных представлений и убеждений для сохранения непротиворечивой картины мира у каждой категории участников опроса.

¹ Для оценки включены качества, наиболее часто упоминаемые при ответах на аналогичный открытый вопрос в ходе пилотажа. В целом более низкий процент оценивания личностных качеств обусловлен тем, что большинство респондентов приписывали себе не 5, а 2–3 качества.

² <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/>.

References

1. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967, no. 4, pp. 432–443.
2. Berger P. Secularization and the Problem of Plausibility. *Social Reality of Religion*. London, 1967, pp. 127–154.
3. Bell R. *Amerikanskaya sociologiya: Perspektivy. Problemy. Metody* [American Sociology: Perspectives. Problems. Methods]. Moscow: Progress, 1972, 392 p. (in Russian).
4. Krylov A.N. *Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve* [Religious identity. Individual and collective self-consciousness in the post-industrial space]. Moscow: IKAR, 2012, 303 p. (in Russian).
5. Pronina T.S. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Tambov University Bulletin. Series: Social sciences]. 2016, vol. 2, no. 6, pp. 40–48 (in Russian).
6. Rodionova E.V. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public opinion monitoring: Economic and social changes]. 2018, no. 2, pp. 209–224 (in Russian).
7. Ryzhova S.V. *SOCIS*. 2016, no.10, pp. 118–127 (in Russian).
8. Sikevich Z.V. *Etnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty v rossijskom obshchestve* [Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society]. St. Petersburg: Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2012, 205 p. (in Russian).
9. Sinelina Y.Y. *Izmenenie religioznosti naseleniya Rossii: pravoslavnye i musul'mane: suevernoe povedenie rossiyan* [Changing the religiosity of the Russian population: Orthodox and Muslims: superstitious behavior of Russians]. Moscow: Nauka, 2006, 110 p. (in Russian).
10. Fromm E. *Psychoanalyse & Religion*, 1949 (Russ. ed.: Fromm E. *Psihoanaliz i religiya*. Moscow: AST, 2010, 153 p.).
11. Huntington S. *Pro et Contra. Raspad i rozhdenie gosudarstv* [Pro et Contra. Disintegration and the birth of States]. 1997, vol. 2, p. 117 (in Russian).

Submitted for publication: July 7, 2022.

Accepted for publication: August 29, 2022.

Published: December 29, 2022.